

0 $\frac{19}{214}$

В Питеръ, Оздѣево мѣстѣ
и дрелноу фудеу
и свѣтѣ

~~7~~
58

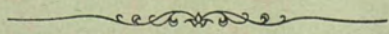
19
217

О Я Р И Л Ъ,

ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ

РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

~~~~~  
П. Ефименко.  
~~~~~


С.-Петербургъ.

1869.

19
217

О ЯРИЛЪ,

ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ

РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

~~~~~  
П. Ефименко.  
~~~~~


ор. 31-19808

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.

1868.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

(Изъ Записокъ Имп. Рус. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи,
т. II, 1868 г.).

2007056259

О ЯРИЛЬ, ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Значеніе корня *яр*. — Ярило, какъ божество возрождающагося солнца, похоти, плодородія и силы. — Его зооморфическое и антропоморфическое представленіе. — Яриины празднества у русскихъ Славянъ, и паралельныя имъ явленія другихъ языческихъ религій. — Перенесеніе вѣроваій въ Ярила на св. Георгія. — Повѣрья и легенды о немъ. — Празднованіе Георгіева дня у Славянъ русскихъ и другихъ.

Общіе выводы.

Названіе языческаго божества Ярила сохранилось до нашихъ дней въ преданіяхъ Бѣлоруссовъ, Великоруссовъ и Малоруссовъ. Можно думать, что нашему Ярилѣ соответствовало у Гаволянъ божество Яровитъ. Слѣдовательно, названіе нашего божества не новѣйшее, не вымышленное или измѣненное въ христіанскую эпоху, но принадлежащее временамъ отдаленнаго язычества.

Слово Ярило или Ёрило состоитъ изъ корня *яр* и окончанія *ило*. Корень *яр* соответствуетъ санскритскому *ar*, которому, въ свою очередь, соответствуетъ греческое *ἄρ*¹⁾. *Ar*, въ санскритѣ, выражаетъ дѣйствіе возвышенія, движенія въ верхъ. Окончаніе *ило*, заключающее въ себѣ суффиксъ прошедшаго причастія дѣйствительнаго залога, принадлежитъ многимъ существительнымъ и въ томъ числѣ, даже названіямъ нѣкоторыхъ божествъ, напримѣръ, бѣлорусскому Вазилу и, съ измѣненіемъ *ило* на *ало*, великорусскому

¹⁾ Макса Мюллера «Сравнит. Мифологія» въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», Н. Тихонравова, т. V, отд. I, стр. 113—114.

Купалу. Въ санскритѣ, въ названіи божества, нашему *ило* будетъ, кажется, соотвѣтственно окончаніе *ván*, которое, въ свою очередь, приравняется къ греческому $\omega\varsigma, \omega\tau\omicron\varsigma$ ¹⁾. Слѣдовательно, въ цѣломъ славянское слово Ярило будетъ, вѣроятно, то же, что санскритское *Aṛvān* и греческое Ἐρως . *Aṛvān* въ позднѣйшемъ санскритѣ значить только *конь*, но въ Ведахъ оно болѣе сохранило своего кореннаго смысла и употребляется въ значеніи: *быстрый, стремительный, бѣгуцій*. Многократно это названіе прилагается въ Ведахъ къ солнцу и употребляется вмѣсто названія *солнца*; иногда оно употребляется въ смыслѣ *коня* или *всадника*. Всадникъ этотъ есть *восходящее солнце*. Существуетъ цѣлый гимнъ, обращенный къ солнцу, какъ коню. Въ Ведахъ *миѳъ*, такъ сказать, возвращается вспять, къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ прославляетъ свѣтлыхъ Васу, потому что «они солнце сдѣлали конемъ». Такимъ образомъ, слово *arvān* сдѣлалось однимъ изъ названій солнца. Въ одномъ мѣстѣ Риг-Веды поэтъ обращается къ солнцу: «Ты, о, Арванъ (конь), ты, еси Адитья (солнце)»; въ другомъ мѣстѣ подъ тѣмъ же самымъ названіемъ призывается Агни или солнце ²⁾.

Подобно санскритскому корню *ar*, славянскій корень *яр* также сохранилъ значеніе *стремительности, быстроты, пылкости, силы, свѣта, весенняго или восходящаго солнца*. Какъ санскритское «*ара*» значить *быстрый, проворный, «арамъ» — быстро, скоро*, такъ и великорусское областное слово «*ярый*» значить *скорый*. Такъ какъ одно изъ свойствъ свѣта есть быстрота его распространенія, то въ корнѣ *яр* совмѣщаются значеніе *быстроты* и значеніе *свѣта*. Санскритское «*аруна*» означаетъ *темнокрасный или коричневый цвѣтъ солнца*, а санскритское «*арка*» (яркій) — *солнце*. Русское «*яркій*» (сравн. польское «*jaŕzący*») значить *свѣтлый*. Весенній и утренній солнечный свѣтъ возбуждаетъ во всей природѣ силу возрождающую и оплодотворяющую; поэтому корень *яр* употребляется въ значеніи *плодотворной силы весенняго и утренняго солнечнаго свѣта*. Что именно подъ корнемъ *яр* надобно понимать

¹⁾ М. Мюллера «Сравн. Мнѳ.» въ «Лѣтоп.» Н. Тихонравова, т. V, отд. I, стр. 113—114.

²⁾ Тамъ же, стр. 114.

свѣтъ весенняго или восходящаго солнца, видно изъ названій *весны*: мало-русскаго «яръ» и чешскаго «garo». Отсюда названіе хлѣба, сѣмаго весной: малорусское «ярына», великорусское «ярица», чешское «gar», словенское «garice», польское «jarzyna», и прилагательныя: «яровой», «jarу» («zboze jarę»), «ярый» (м. русск. «яра рута»), такъ же «ярець», малорусское названіе мѣсяца мая, нѣмецкое «Jahr» въ смыслѣ года (какъ наше «лѣто» въ смыслѣ годоваго періода времени). Весна и утро — время появленія свѣта и теплоты солнца, возбуждающихъ похоть въ человѣкѣ и животныхъ и стремленіе къ оплодотворенію въ растеніяхъ. Отсюда новое значеніе корня *яр*, — *животная похоть, плотская любовь и оплодотворяющая сила*: ярунь — тотъ, кто *ярится*, или тотъ, кто *яритъ*, т. е. механически возбуждаетъ похоть, *яриться* — имѣть похоть. Кромѣ похоти, весенній свѣтъ возбуждаетъ силу, мужество; поэтому корень *яр* у насъ, какъ и въ санскритѣ, означаетъ *силу и мужество*, «ярый» — *сильный и мужественный*, чешское «jarost» — *свѣжесть, юношеская сила*. Отъ этого послѣ дняго значенія корень *яр* переходитъ къ значенію *иньва, ярости*, такъ какъ у младенчествующихъ народовъ гнѣвъ проявляется въ физической силѣ.

Судя по вышензложенному словопроизводству, слово Ярило будетъ означать *быстро распространяющийся весенній или утренній солнечный свѣтъ, возбуждающий растительную силу въ травахъ и деревьяхъ и плотскую любовь въ людяхъ и животныхъ*, потомъ — *юношескую свѣжесть, силу и храбрость въ челюстькѣ*. Отсюда слѣдуетъ, что Ярило, какъ божество, долженъ быть *богомъ восходящаго или весенняго солнца, богомъ похоти и любви, богомъ произрастителемъ и покровителемъ животныхъ, производителемъ растеній, богомъ силы и храбрости*. Въ такомъ смыслѣ нашъ Ярило тождественъ съ Яровитомъ Гаволянъ, который считался между прочимъ богомъ скотоводства и подателемъ плодородія полямъ. Онъ покрывалъ травю поля и листьями лѣса, оплодотворялъ нивы и деревья ¹⁾.

Мы знаемъ изъ Риг-веды, что первоначальной, зооморфической формой утренняго или весенняго солнца были *кони* и *конская го-*

¹⁾ Срезневскаго, «О языч. богослуж. у древнихъ Слав.», стр. 10—11; Макушева, «О бытѣ и нравахъ Слав.», стр. 88.

ловѣ¹⁾), какъ символы быстроты, съ которой распространяется свѣтъ. Конская голова есть символъ солнца, начинающаго появляться надъ горизонтомъ или, по понятію язычниковъ, солнца, рождающагося на свѣтъ, потому что, при рожденіи, жеребенокъ прежде всего выставляетъ на свѣтъ свою голову. Такимъ образомъ и нарождающееся солнце сначала выставляетъ на свѣтъ свою конскую голову.

Представленіе солнца въ видѣ коня обще многимъ народамъ; такъ у Персовъ оно представлялось въ образѣ бѣлаго быстробѣгущаго коня, у Скандинавовъ—въ видѣ свѣтлогриваго коня, приносящаго свѣтозарный день человѣческому роду. Въ нѣмецкихъ и славянскихъ сказкахъ упоминается «бѣлый солнцевъ конь», производящій день всюду, гдѣ онъ только появится. Сюда же относятся нашъ «сивка бурка, вѣщій каурка», который питается огнемъ и жаромъ, и чудесный конь съ золотой или серебряной шерстью²⁾. Въ малорусскихъ сказкахъ конская голова признается за живое существо; она живетъ въ лѣсной избушкѣ, построенной на куриной ножкѣ, и приноситъ счастье и красоту тѣмъ, кто исполняетъ ея желанія и услуживаетъ ей; для этого она приказываетъ влѣзть къ ней въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзть³⁾.

Представленіе солнца въ видѣ коня или конской головы образовалось, конечно, прежде другихъ представлений, въ эпоху путешествія. При началѣ земледѣльческой эпохи, когда стали образовываться антропоморфизмъ, народная фантазія соединила прежній зооморфическій образъ съ новымъ антропоморфическимъ, и такимъ образомъ явилось представленіе молодаго красиваго человѣка, сидящаго на конѣ. Представленіе солнца въ образѣ красиваго юноши, разлѣзающаго на бѣломъ конѣ, существуетъ также во многихъ мифологіяхъ; таковы у Индусовъ Вишну въ аватарѣ Кольки, Аполлонъ у Римлянъ, Мнѣра у Персовъ. Въ нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ сказкахъ постоянно является всадникъ-богатырь, на чудесномъ конѣ. Въ одной русской сказкѣ прямо объяснено, что всадники

¹⁾ См. М. Мюллера, «Сравнит. миф.» въ «Лѣтоп.» Тихонова, кн. V, стр. 76.

²⁾ Буслаева, «Историч. Очерки», т. I, стр. 329.

³⁾ Аонасьева, «Народн. русск. сказки», вып. I, стр. 85—86, вып. IV, стр. 121.

являющіеся на бѣломъ и рыжемъ конѣ,—день и солнце ¹⁾. Нашъ Ярило, если онъ точно есть богъ солнечнаго свѣта, долженъ представляться также въ видѣ всадника на бѣломъ конѣ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы до сихъ поръ воображаютъ его молодымъ, красивымъ человѣкомъ, развѣзжающимъ на бѣломъ конѣ ²⁾. По преданію Великоруссовъ, общему со многими другими народами, солнце представляется также въ видѣ женщины ³⁾. Въ женскомъ образѣ представляется и Ярило, что доказывается тѣмъ, что Бѣлоруссы, въ праздникъ Ярила, представителемъ его выбираютъ не парня, а молодую, красивую дѣвушку, которую наряжаютъ такъ, какъ воображаютъ себѣ Ярила, и сажаютъ ее на бѣлаго коня ⁴⁾.

Извѣстный мнѣ, будто солнце, нарождаясь ежедневно и ежегодно, восходитъ по утру и весной прелестнымъ младенцемъ, умираетъ въ полдень и лѣтомъ, а къ вечеру и зимѣ погружается въ море дряхлымъ старикомъ, служилъ причиною того, что солнце въ одно и тоже время олицетворялось въ различныхъ образахъ—младенца, юноши и старика. Нарождающееся солнце изображалось младенцемъ, сидящимъ на рукахъ своей матери (земли). Такъ у Индусовъ младенецъ-солнце возсѣдаетъ на рукахъ Лакшми; у Египтянъ солнце сидитъ на рукахъ Изиды, у Фригійцевъ и у Римлянъ оно изображается съ матерью Цибелою; у Славянъ солнце-младенецъ сидѣло на головѣ Живы или Сивы, у Финновъ на рукахъ Золотой Бабы и т. д. ⁵⁾. Солнце, закатывающееся на западѣ, или солнце осеннее у насъ имѣло также видъ старика: «дѣдушка золотая головушка, серебряная бородушка» играетъ въ русскихъ сказкахъ непослѣднюю роль ⁶⁾. На похоронахъ Ярила, умирающаго весенняго солнца, представителемъ его въ обрядахъ избирается обыкновенно старикъ ⁷⁾.

¹⁾ Аванасьева, «Сказки», вып. IV, стр. 135—175.

²⁾ «Прибавленія къ Журн. Мин. Нар. Просв.», 1846 г., кн. I, Древлянского, «Бѣлорусскія преданія», стр. 20.

³⁾ Напр. въ «Сказаніяхъ» Сахарова, т. II, кн. 7-я, стр. 69.

⁴⁾ «Прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1846 г., кн. I, стр. 21.

⁵⁾ Н. Костомарова, «Слав. мнѣология», стр. 30—33.

⁶⁾ «Филолог. записки» 1864 г. кн. I, стр. 15.

⁷⁾ Сахарова, «Сказанія», т. II, кн. 7, стр. 91.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Ярило, какъ богъ весенняго или утренняго солнца, представлялся главнымъ образомъ въ видѣ юноши; но нельзя отвергать и того, что онъ изображался и въ видѣ младенца при началѣ весны, и въ видѣ старика при концѣ весны.

Теперь остановимся на мѣстныхъ представленіяхъ Ярила у русскихъ Славянъ и на различныхъ обрядахъ въ честь его.

У Бѣлоруссовъ, какъ упомянуто выше, Ярило является молодымъ красивымъ юношей, разбѣзжающимъ на бѣломъ конѣ. Онъ всегда покрытъ бѣлымъ плащомъ, на головѣ имѣетъ вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, а въ лѣвой горсть ржаныхъ колосевъ; ноги у него босыи. Въ честь его празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ, 27-го (не 23-ли?) апрѣля: подъ вечеръ, въ сумерки, толпа дѣвицъ собирается въ какой нибудь домъ, избираетъ изъ своей среды дѣвицу, которую называютъ Яриломъ, одѣваетъ ее такъ, какъ воображаетъ себѣ Ярила, и сажаетъ на бѣлаго коня, нарочно привязаннаго къ столбу. Дѣвушки составляютъ хороводъ, извиваются длинною вереницею во кругъ Ярила и пляшутъ; каждая изъ нихъ обязана имѣть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Во время теплой и благорастворенной весны этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ, на открытомъ полѣ или даже на нивахъ. При этой забавѣ присутствуютъ и старики. Во время пляски дѣвушки поютъ очень длинную пѣсню, въ которой описываются благотворныя дѣйствія этого бога, будто бы онъ ходитъ по всему свѣту, растить рожь на нивахъ и приноситъ чадородіе людямъ:

А гдѣ жъ жѣтъ пагѣю,
Тамъ жыто капѣю;
А гдѣ жъ жѣтъ ни зырнѣ,
Тамъ кѣласъ зацѣвнѣ ¹⁾.

¹⁾ «Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр.» 1816 г., кн. I, стр. 21. Нѣчто подобное встрѣчается въ иныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, которыя поются въ Новый годъ, но въ нихъ вмѣсто Ярила представляются св. Василій или св. Илья, которые будто бы ходятъ по полямъ и, помахивая плетью, сдѣланною изъ ржи («жытына пуга»), зарождаютъ хлѣба. Къ нимъ обращаются съ мольбой: «Роди (зарождай), *боже*, рожь, шпеннцу, дѣтей и жеребенковъ». При сѣянн хлѣба въ Черниговской губерніи машутъ «жытыною пугою».

Въ Великороссіи празднованіе Ярила представляетъ нѣкоторыя различія по мѣстностямъ. Въ Костромѣ отправляли похороны Ярила во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изодранное платье несъ во гробѣ куклу Ярила, въ видѣ мужчины, со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярила выбирали старика, упанвали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка отвѣшивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составлявшій главную ихъ забаву въ это время. Въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ праздникъ Ярила совершался въ день Всѣхъ Святыхъ или на другой день Петрова дня, во Владимірѣ на Клизмѣ—въ Троицынъ день, въ Нижегородской губерніи—Юня 24, въ день ярмарки, въ Твери—въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Здѣсь дѣвушки и парни собирались плясать и веселиться. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на это гулянье «поневѣститься». Женихи высматривали невѣсть, а невѣсты жениховъ, но однако случались и дурныя послѣдствія отъ поневѣстыванья. Во время разгула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями. Ярилно торжество уничтожено стараніемъ архіепископовъ Меодія и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, на канунѣ Троицына дня служатъ молебны на поляхъ, окропляя ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія, поселяне обоюго пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярила. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: Люди всѣхъ возрастовъ и обонхъ половъ, нарядившись, какъ въ самый большой праздникъ, собирались, съ разсвѣтомъ дня, за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ пѣсняхъ, пляскахъ и музыкѣ. Среди общаго веселья наряжали мужчину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; лице его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возвѣщали шествіе Ярила барабаннымъ боемъ. Ярило переважно расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли разныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Епископъ Тихонъ,

искоренившій этотъ обычай, называетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ древній истуканъ Ярило. Праздникъ назывался «пгрищемъ», и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинался въ среду или пятницу послѣ дня сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ ¹⁾).

Въ Малороссіи названіе Ярила не сохранилось, но есть праздникъ, напоминающій Ярилино торжество. Тамъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, народъ собирался послѣ Всесвятекаго заговѣнья погулять у кабака. Здѣсь пѣли и плясали до вечера. По закатѣ солнца, выносили на улицу соломенное изображеніе мужчины, со всѣми его естественными частями, и клали въ гробъ. Пьяныя женщины подходили къ нему и кричали съ воплемъ: «Померъ онъ, померъ!». Мужчины поднимали чучело и произносили: «Эге, баба не бреше! Она знае, що їй солодче меду». Женщины продолжали вопить: «Якій же вѣнъ бувъ хорошій та який услужливый». Смотрѣли на него любово-страстно и говорили: «Не встане вѣнъ бѣльше! О, якъ же намъ розставатися съ тобою, и що за жизнь, коли нема тебе! Пѣдмись хочъ на часочокъ; но вѣнъ не встае и не встане». Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою. Въ малороссійской пѣснѣ божество, котораго хоронятъ, называется «Кострубонькомъ».

У Великоруссовъ тоже находимъ обряды, напоминающіе похороны Кострубонька. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Троицынъ и въ Духовъ день, а въ Муромѣ въ первое воскресенье послѣ Троицына дня погребаютъ Кострому. Такъ называется дѣвушка, избранная подругами, собравшимися на условленное мѣсто для совершенія обряда. Кострому кладутъ на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду. Потомъ сами бросаются въ рѣку:купаются, поютъ и дурачатся. Возвратившись съ пѣснями домой, начинаютъ хороводы. Въ Пензенской же губерніи, въ послѣдній день весны, въ Духовъ день, трое или четверо молодыхъ ребятъ, накрывшись пологами,

¹⁾ По свидѣтельству г. Костомарова («Слав. мнѣологія», стр. 86), праздникъ этотъ существуетъ въ Воронежской губерніи и по нынѣ: Яриломъ тамъ называютъ истуканъ, одѣтый въ мужское и женское платье вмѣстѣ.

образуютъ изъ себя подобіе лошади. Одна изъ женщинъ наряжается въ солдатскій мундиръ и командуетъ тремя лошадьми. Всѣ дѣвицы провожаютъ ихъ за село и прощаются съ ними въ ознаменованіе послѣдняго веселія; это называется «проводами весны». Во всю ночь идетъ веселье и пляски. Въ Саратовѣ, во время проводовъ весны, народъ собирается за городомъ; тамъ готовятъ чучело лошади «съ разными грубами атрибутами» и носятъ его взадъ и впередъ по лугу въ сопровожденіи огромной толпы ¹⁾).

Указанные факты позволяютъ вывести такое заключеніе, что Ярило, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ всадника, красиваго молодаго человѣка, иногда въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилу также приписывался и женскій образъ. Ярило, прекрасный юноша, даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ и чадородіе людямъ и животнымъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ гореть колосьевь—знакъ, что Ярило есть произраститель цвѣтовъ и хлѣбовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, по всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или *возрожденіе Ярилы*, другой при концѣ весны или *смерть Ярилы*. Въ настоящее время довольно трудно опредѣлить съ точностію дни этихъ праздниковъ. Впрочемъ, о первомъ можно утвердительно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностію. Нынѣ праздникъ смерти весны или Ярилы, какъ видѣли выше, совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, наипрѣвъ въ Троицынъ день, наипозднѣ въ первое воскресенье послѣ Петрова дня; но чаще всего во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю послѣ Троицы. Троица же бываетъ между 11 числомъ мая и 14 числомъ іюня; Всесвятское заговѣнье, по этому, приходится наипрѣвъ 18 мая и наипозже 21 іюня. Подвижность праздника Троицы и Всѣхъ Святыхъ, конечно, была причиною того, что празд-

¹⁾ Терещенка, «Бытъ русск. нар.» т. V, стр. 99—104 и др., т. VI, стр. 187, 189, 190—191 и др.; также Сахарова, «Сказанія», т. II, стр. 10—92.

пикъ Ярила, съ принятіемъ христіанства, былъ оторванъ отъ опредѣленнаго дня и числа и сталъ передвигаться съ одного числа на другое, съ одного праздника на другой. Праздновать же торжество Ярила въ будній день, а не въ праздничный для новообращенныхъ христіанъ было неловко. Несомнѣнно кажется то, что это былъ послѣдній праздникъ весенній.

По своимъ обрядамъ и идеѣ праздникъ Ярилы наиболѣе подходитъ къ торжеству Адониса. Праздникъ Адониса (солнца) Греки совершали весною два дня: въ первый день носили изображеніе Адониса, прекраснаго юноши, пѣли унылыя пѣсни, печально играли на флейтахъ и приносили погребальную жертву. Въ Александріи дѣлали изображеніе мертваго человѣка, несли на погребальныхъ носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ. На другой или на третій день совершалось торжество воскресенія или обрѣтеніе Адониса, сопровождавшееся шумными и веселыми восклицаніями и оргіями. Праздникъ этотъ совершался то въ мартѣ, то въ іюнѣ мѣсяцѣ. Адонисъ былъ богомъ солнца. Его смерть означала зиму, изображавшуюся въ видѣ вепря, поразившаго Адониса; его воскресеніе знаменовало весну¹⁾.

Выше было сказано, что чучело Ярила изображало его со всѣми естественными частями, которыя нарочно представлены были въ увеличенномъ размѣрѣ. Мужескіе половые органы вездѣ почти служили символомъ производительности и были, по этому, священными предметами; довольно вспомнить фаллосъ древнихъ и лингамъ Индусовъ. Солнечныя божества всегда изображались съ фаллосами, которые играли немалую роль въ празднествахъ въ честь этихъ боговъ. Таковы Гермесъ, Пріапъ, Вакхъ и др. Извѣстно, что въ праздникъ Вакха одна изъ женщинъ носила большое изображеніе фаллоса. Египтяне, въ этотъ праздникъ, по словамъ Геродота, употребляли изваянія Вакха, величиною почти въ локоть, сотрясаемыя живою. Женщины носили эти изображенія по деревнямъ, поймавъ дѣтороднымъ членомъ, немного меньшимъ всего тѣла. Для чего же дѣтородный членъ бываетъ больше, и при томъ онъ одинъ движется въ тѣлѣ, прибавляетъ Геродотъ,—сему приводится какая-то

¹⁾ Костомарова, «Слав. мивологія», стр. 49—51.

священная причина. О Гермесѣ Геродотъ говоритъ, что Аоніане научились его дѣлать съ прямымъ тайнымъ удомъ отъ Пелазговъ. Причина же, по его словамъ, объяснилась въ самооракійскихъ таинствахъ ¹⁾. Свѣтъ весенняго и утренняго солнца возбуждаетъ напряженное состояніе полового органа. Вотъ почему божества весенняго и утренняго солнца, Гермесъ, Ярило и др., представлялись съ прямымъ и увеличеннымъ половымъ органомъ.

Съ официальнымъ паденіемъ язычества не съ разу могло пасть языческое міровоззрѣніе. Приняты были новыя формы, но понятія остались прежнія; надобно было народу старыя понятія вложить въ новыя формы. И вотъ начинается любопытная умственная работа: характерическія черты языческихъ боговъ переносятся на идеалы новой религіи. При этомъ перенесеніи происходитъ смѣшеніе и путаница: черты одного божества передаются многимъ религіознымъ идеаламъ, и на оборотъ, обязанности многихъ боговъ переносятся на одного святаго. Нѣкоторыя черты, характеризующія древне-славянскаго бога Ярила, мы рѣшаемся видѣть въ народномъ представленіи о Егоріи храбромъ. Приведемъ факты.

Св. Георгій у Малоруссовъ называется «Юрій», «Юрко» «Юря», «Юрь», у Червоноруссовъ—«Ирьи» у Поляковъ «Jerzy». Названія эти близки къ корню *яр*, который, въ славянскихъ языкахъ, имѣетъ и форму *юр*. Такъ, по польски «*jużyc się*»—значить *яриться*, «*jużny*»—*ярый, похотливый*, «*jużność*»—*ярость, похотливость*. Отъ того же корня происходятъ малорусскія слова: «юрити, юрю»—въ смыслѣ «*jużyc się*»—*бѣситься*, «юрность»—*похоть, своеволие*, «юркій»—*своевольный, быстрый, увертливый*. Названіе св. Георгія «Ирьи» также напоминаетъ древнеязыческое божество, тождественное съ Яриломъ. «Ирій», «Ирай» и «Вырій», по малорусски означаетъ мѣсто, откуда весной прилетаютъ къ намъ птицы. Это великорусскій островъ Буянь (жилище солнца), мѣсто, откуда весной и по утру является возрожденное солнце. Очень естественно, что въ древности *мѣсто* восхожденія утренняго и весенняго солнца и самое восходящее (т. е. утреннее и весеннее) солнце назывались однимъ и

¹⁾ Исторія Геродота, переводъ Мартынова, 1826 г., кн. 2, XLVIII, стр. 537 и II, стр. 541.

тѣмъ же словомъ — Ирїй или Ирѣи. И такъ, названія Георгїя — Юрь, Юря и Ирѣи, сближаются съ словомъ Ярило.

Въ Бѣлоруссїи св. Георгїй покровительствуетъ коровамъ: «Юрїй коровъ пасецъ, а Микола коней»; впрочемъ онъ тамъ почитается въ видѣ коня. Дѣвушки пляшутъ около коня и поютъ:

Разыгрався Юря коникъ,
Залаценьки коникъ ¹⁾.

Дѣло доказанное, что языческіе предки наши сближали понятіе свѣта съ цвѣтами золотымъ, бѣлымъ и краснымъ, а понятія тьмы съ понятіями цвѣта темнаго и чернаго. Оттого солнце представляется всегда въ видѣ животнаго или человѣка цвѣтовъ бѣлаго, золотого или краснаго, а тьма въ видѣ черныхъ животныхъ и людей (чертей). Въ приведенномъ «залаценькомъ коникѣ» нельзя не видѣть весенняго солнца (Ярила) въ первоначальномъ его зооморфическомъ образѣ. Вѣрованіе въ игру солнца весной обще многимъ народамъ индоевропейскаго племени. По русскимъ народнымъ преданїямъ, Георгїй также имѣетъ свѣтлую природу. Волосы у Егорїя что «ковыль-трава» или «желты кудри»:

Молодой Егорїй свѣтлохрабрый—
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ,
По косцамъ звѣзды переходя ²⁾.

По другому представленію, Георгїй является въ видѣ бѣлаго всадника, разѣзжающаго на бѣломъ конѣ. По выраженію малорусскаго заклинанія, Юрїй ѣздитъ, «на бѣлому конѣ, бѣли губы, бѣли зубы, самъ бѣлый, въ бѣле одяся, бѣлымъ подперезався» (опоясался) ³⁾. Тоже самое и въ великорусскихъ заклинанїяхъ: «Стоитъ храбръ Егорей и на сильномъ конѣ, самъ бѣлъ и кнутъ бѣлъ, и рукавицы бѣлыя, и борода бѣлая, и залучаетъ, и загонаетъ (въ ло-

¹⁾ Каравелова, «Памятники народнаго быта Болгаръ», т. I, стр. 215.

²⁾ Якушкина, «Русскія пѣсни», стр. 15.

³⁾ Изъ составленнаго мною рукописнаго собранія малорусскихъ и великорусскихъ заклинаній.

вушки) лисиць бурнастьхъ долгохвостыхъ, залучаетъ, загоняетъ бѣлыхъ пчолыхъ ярыхъ зайцевъ...¹⁾ Въ малорусскихъ легендахъ св. Георгій всегда представляется окруженнымъ волками, въ числѣ тридцати.

Извѣстно, что по древнѣйшимъ вѣрованіямъ многихъ народовъ волки считались символомъ тьмы и холода, нападавшими на свѣтъ и теплоту солнца. Съ теченіемъ времени, они начали дѣлаться представителями свѣта, именно лучей солнца. Такимъ образомъ всадникъ, разлѣзжающій на бѣломъ конѣ и окруженный волками, знаменуетъ собою солнце, испускающее свѣтозарные лучи. Таковъ былъ Аполлонъ Грековъ; таковъ долженъ быть и Ярило. Волки, окружающіе св. Георгія, по малорусски называются «хортами св. Юрія». Слово «хортъ», уцѣлѣвшее также въ Архангельской губерніи, означаетъ борзого кобеля²⁾ и имѣетъ ближайшую связь со словами «Хръсъ» или «Корсъ», означающими солнечнаго бога и родственными съ древне-чешскимъ «kres», *огонь*, и ц.-слав. «крѣсъ», *солнворотъ*; подобно тому какъ латинскія *lupus* и *lux*, греческое *λύκος* означаютъ *волка* и *свѣтъ*. Литовцы думаютъ, что св. Георгій былъ охотникомъ и вмѣсто собакъ употреблялъ волковъ. Въ Малороссіи онъ прямо называется «богомъ волковъ», которыхъ онъ пасетъ и питаетъ: «св. Юрь звѣри пасе», говоритъ пословица. Великорусскія поговорки: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ», «ловить волкъ роковую овечку», «обреченная скотинка ужъ не животинка» и др. свидѣтельствуютъ о томъ же. Между Великоруссами, Малоруссами и Бѣлоруссами ходитъ много разсказовъ о св. Георгіѣ, какъ покровителѣ волковъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько. Вотъ разсказъ о св. Егоріѣ, слышанный мною въ г. Онегѣ, Архангельской губерніи: — Работаетъ крестьянинъ на гумнѣ и видитъ: стоитъ Егорій, отецъ, храброй, а около него волки воютъ: просятъ у него пища. Св. Егорій приказываетъ имъ взять у того крестьянина лошадь съ бѣлою лысиною во лбу. Услыхавъ это, крестьянинъ тотчасъ побѣжалъ къ своей лошади и замазалъ ей лысину сажей. Прибѣжали

¹⁾ Изъ моего сборника заклинаній.

²⁾ По польски борзая собака тоже «chart».

волки, смотрятъ: лошадь безъ лысины. Они опять къ св. Егорію. Св. Егорій разсказалъ имъ, что сдѣлалъ хитрый мужикъ, и велѣлъ имъ снова идти назадъ. Тогда они вновь бросились на лошадь и разорвали ее по частямъ.—Другой разсказъ о посредничествѣ между волкомъ и человѣкомъ существуетъ въ Орловской губерніи ¹⁾. Въ повѣстьяхъ г. Даля находимъ еще разсказъ «о Георгіи храбромъ и волкѣ». Здѣсь повѣствуется о томъ, какъ Георгій училъ волка добывать себѣ пищу, и какую неудачу волкъ терпѣлъ на каждомъ шагу: Георгій поочередно посылаетъ волка съѣсть быка, коня, барана, кабана и человѣка; но всѣ они обманываютъ дурака-волка и не только что избавляются отъ него, но еще наносятъ ему раны: быкъ бросаетъ его рогами, конь бьетъ его задомъ, а баранъ своимъ крѣпкимъ лбомъ, кабанъ ранитъ клыкомъ, и наконецъ, люди зашиваютъ его въ собачью шкуру и бьютъ.—Въ малорусской сказкѣ «о портномъ и волкѣ» волка посылаетъ на добычу не св. Георгій, а *богъ*. Былъ себѣ, сказано въ началѣ этой сказки,—у попа портной, и отправился онъ въ селеніе заниматься работой; а въ это время несчастному волку *не послалъ Богъ корму*. Волкъ взлѣзъ на гору и проситъ Бога: «Дай, Господи, ѣсть, а если не дашь, умру». «Иди, говоритъ Богъ волку,—що нападешъ попове, то й ѣсти тобѣ готове». Волкъ встрѣчаетъ сначала попову кобылу, потомъ барана, свиней и наконецъ портнаго. Кобыла предлагаетъ волку, прежде нежели она сдѣлается добычей его, посмотрѣть въ бумаги, принесенныя ею изъ города, и въ то время, когда волкъ началъ разсматривать бумаги, кобыла лягнула его. Баранъ, для избавленія волка отъ лишняго труда, проситъ его позволить ему самому вскочить въ его ротъ. Волкъ раскрылъ ротъ, а баранъ бросился къ нему съ горы и такъ ударилъ волка въ лобъ, что тотъ долго не могъ прійти въ себя. Свиньи, съ дозволенія волка, начинаютъ пѣть послѣднюю пѣсню; люди услышали и прогнали его. Портной проситъ волка позволить ему умыться передъ смертью и утереться его хвостомъ; волкъ согласился. Портной вмоталъ руки въ хвостъ и такъ его отколотилъ аршиномъ, что волкъ едва остался живъ ²⁾. —

¹⁾ См. выше, стр. 31.

²⁾ «Черниговскія Губ. Від.» 1860 г., № 21, «Базка про кравця и волка», сообщ. П. Ефименко.

Мотивы, подходящіе къ нашему разсказу, есть въ басняхъ Езопъ и въ ново-греческой сказкѣ.

Наконецъ, приводимъ еще малорусскіе разсказы о св. Георгіѣ и о волкахъ:

I. Ночевали «ночлѣжники»¹⁾, тридцать человѣкъ. Волки воютъ да воютъ возлѣ одного дуба. Вотъ они и говорятъ: «Что если бы нашелся между нами такой, который бы переночевалъ на томъ дубѣ!» Одинъ изъ ночлѣжниковъ говоритъ: «Я переночую». Согласились дать ему съ души по рублю. Вотъ тотъ пришелъ къ дубу, взлѣзъ на него и сидитъ. Приѣзжаетъ на бѣломъ конѣ св. Георгій, а передъ нимъ волковъ «тридцать человѣкъ»²⁾. Одному велитъ овцу съѣсть, другому ягненка, третьему гуся и т. д.; «А тебѣ, хромой, то, что на дубѣ». На другой день приходятъ парни, гоняють, гоняють волка— не идетъ; едва отогнали.... Вотъ слѣзаетъ тотъ и говоритъ: «Ужъ мнѣ больше не жить на свѣтѣ». Не беретъ денегъ и велитъ, чтобы на эти деньги совершили его похороны. На другую ночь легли, по срединѣ положили его, и всѣ положили на него свои головы. По утру просыпаются — нѣтъ товарища: неизвѣстно — куда дѣвался³⁾.

II. Ыхалъ одинъ горшечникъ изъ Рѣпокъ, приѣхалъ въ долину, остановился; бѣжитъ множество волковъ. Онъ видитъ, что — бѣда, и взлѣзъ на дубъ. Потомъ пришелъ какой-то человѣкъ (а то былъ Егорій святой). «А слазь, говоритъ, — если тебѣ смерть, то и на дубѣ будетъ смерть, слазь, ничего тебѣ не будетъ, ложись!» Тотъ человѣкъ слѣзъ и легъ. Онъ (св. Егорій) сталъ распорядиться волками: этому сюда, а тому туда, а «двѣнадцатъ человѣкъ» во дворъ къ знахарю: «Онъ знахарь, а я лучше его знахарь». У этого знахаря было сорокъ лошадей; такъ они ихъ всѣхъ до утра и передушили; тотъ же человѣкъ всталъ по утру и поѣхалъ⁴⁾.

¹⁾ Ночлѣжниками въ Малороссіи называются пастухи, сберегающіе скотъ на почлегахъ въ поляхъ.

²⁾ Выраженіе «тридцать человѣкъ волковъ» постоянно употребляется въ подобныхъ разсказахъ.

³⁾ Этотъ разсказъ помѣщенъ по малорусски въ моей статьѣ «О волкахъ и волчьемъ богѣ Полхсунѣ» (см. «Черниг. Губ. Вѣд.» 1859 г. № 23, стр. 157). Варіантъ его см. въ «Основѣ» за 1861 г., кн. V, «Хуртовина» С. Носа, стр. 67.

⁴⁾ Тамъ же; по малорусски.

III. *Вариантъ 1-й.* Ёхаль пань мимо нивъ; смотритъ: человекъ пожнетъ недолго и сидеть, пожнетъ и сидеть. Это удивило пана; онъ посылаетъ слугу спросить у того человекъ: зачѣмъ онъ такъ часто отдыхаетъ? Тотъ человекъ отвѣчалъ: «Когда прійдетъ счастливая минута, то я жну, а если настанетъ минута несчастливая, такъ я отдыхаю». Панъ догадался, что это «непростой» человекъ, велѣлъ призвать его къ себѣ и говоритъ: «Если ты знаешь наступленіе счастливой и несчастливой минуты, то скажи мнѣ: когда и какою смертию я умру?» Тотъ знатливый человекъ сказалъ: «Сначала умру я, меня убьетъ доской, потомъ твой слуга: онъ самъ наложитъ на себя руку, а послѣ того, ты, пане: тебя волкъ съѣстъ». Панъ поѣхаль домой и началъ ежедневно ѣздить на охоту—истреблять волковъ и уже всѣхъ истребилъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, панъ снова ѣдетъ прежнею дорогою и видитъ, что изъ села несутъ хоронить крестьянина. «Кто у васъ умеръ?» спрашиваетъ онъ. «Нашъ знахарь; доской его пришибло». Панъ вспомнилъ все. Ёдетъ домой; на дорогѣ получаетъ извѣстіе, что его слуга повѣсился. Ёдетъ дальше; встрѣчается ему хорошая, прехорошая дѣвочка. Она остановилась и проситъ подвезть ее. Панъ согласился. Подѣзжаютъ къ барскому двору. Смотрятъ: нѣтъ пана, только однѣ кости. Это была не дѣвушка, а волкъ, превратившійся въ нее ¹⁾).

По 2-му варианту, панъ, истребляя волковъ, клалъ кожи ихъ на чердакъ. Въ роковой день, одна изъ кожъ обратилась въ волка, который и сожралъ пана.

Въ 3-мъ вариантѣ, человекъ, обреченный на съѣденіе волкамъ, приходитъ домой къ брату и говоритъ ему: «Мнѣ больше не жить на бѣломъ свѣтѣ: я обреченъ волкамъ на съѣденіе». Сказавши это, онъ полѣзъ на печь. По утру ищутъ брата: взглянули на печь; тамъ только косточки его. Это волкъ превратился въ kota, да какъ всѣ уснули — и съѣлъ обреченнаго ²⁾).

IV. Ёхали этимъ лѣсомъ ³⁾ Бориспольцы домой и увидѣли, что волкъ давитъ овцу. Вотъ одинъ изъ нихъ и говоритъ: «Надобно от-

¹⁾ Этотъ рассказъ, доселѣ не изданный, записанъ мною въ г. Черниговѣ.

²⁾ Этотъ рассказъ слышанъ мною въ Черниговѣ, онъ нигдѣ не напечатанъ.

³⁾ Эта легенда рассказана мнѣ въ Броварскомъ лѣсу, подь Кіевомъ; она нигдѣ не напечатана.

нять овцу». Отняли и положили въ сани тому крестьянину. Начали погонять; поѣхали; только осматриваются, тотъ крестьянинъ не ѣдетъ: волю не трогаются съ мѣста. Начали ему помогать, били, били воловъ — стоятъ неподвижно; сбросили все, что было на саняхъ, и не идутъ; припрягли другую пару — ни съ мѣста. Мучились, мучились и бросили того крестьянина самого въ лѣсу. Остался, бѣдняга, одинъ. Хочется ему покурить, да нѣтъ огня. Осматривается: возлѣ дороги горитъ огонь. Онъ туда; приходитъ, а тамъ человѣкъ на бѣломъ конѣ, окруженный волками. Онъ страшно струсиль, но все-таки рѣшился попросить огня. Какъ крикнетъ на него тотъ человѣкъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ, какъ начнетъ его ругать! А все за то, что онъ отнялъ пищу у волка. Потомъ успокоился, далъ огня и говоритъ: «Смотри, въ другой разъ такъ не дѣлай, а то бѣда будетъ». И приказалъ ему ѣхать домой. Крестьянинъ пошелъ, сѣлъ на сани и поѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наши вѣрованія въ то, что св. Егорій является окруженнымъ тридцатью волками и распоряжается ими, имѣютъ нѣчто общее съ вѣрованіемъ Французовъ въ волчьихъ вожатыхъ (*meneurs de loups*), т. е. такихъ людей, которые умѣютъ покорять волковъ, приучать ихъ къ себѣ и управлять ими. Есть немало французскихъ разсказовъ о томъ, какъ многіе встрѣчали, при первыхъ лучахъ мѣсяца, на перекресткахъ дорогъ, человѣка, шедшаго скорыми шагами и сопровождаемаго болѣе, нежели тридцатью волками (иногда менѣе). Однажды два человѣка увидѣли въ лѣсу стадо волковъ и, испугавшись такой встрѣчи, влѣзли на дерево, откуда видѣли, какъ звѣри остановились передъ хижиною дровосѣка, котораго всѣ считали колдуномъ. Волки окружили хижину и подняли жестокой вой; дровосѣкъ вышелъ къ нимъ, поговорилъ съ ними, прошелся между ними, и они разсѣялись, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда.

Жоржъ Зандъ, сообщившая этотъ разсказъ, предполагаетъ, что люди, живущіе среди лѣсовъ, могли открыть средство покорять себѣ волковъ, какъ это дѣлаютъ укротители дикихъ звѣрей, заключенныхъ въ клѣткахъ ¹⁾. Можетъ быть, это и такъ. Въ такомъ

¹⁾ «Современникъ» 1852 г., т. смѣсь, «Ночныя видѣнія въ деревьяхъ», ст. Жоржъ Зандъ, стр. 75.

случаѣ и у насъ должны были быть такіе же люди; ибо откуда же взялось повѣрье, что св. Георгій ѣздитъ, окруженный тридцатью волками? Кромѣ мнѣической причины, можно предполагать и реальное основаніе мѣа.

Для полученія себѣ пици волки, по малорусскому повѣрью, вымаливаютъ ее воемъ въ теченіи двѣнадцати дней, стоя на дыбахъ передъ св. Георгіемъ; поэтому, когда бываетъ слышенъ вой волковъ, то народъ въ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи говоритъ, что они просятъ у Бога пици. Животное, назначенное волкамъ въ добычу, не можетъ нигдѣ укрыться отъ нихъ:—«хочъ у пѣчь замажъ, то найде». При приближеніи волка къ стаду овецъ, роковая овца не только не уходитъ отъ него, но напротивъ сама, съ глазами, налившимися кровью (поэтому говорятъ: «вовче червоне», *волче красное*), бѣжитъ къ нему. Животнаго, задушеннаго волками, какъ назначеннаго самимъ Богомъ, народъ не употребляетъ въ пищу—развѣ только въ такомъ случаѣ, когда священникъ освятитъ его. Въ Великороссіи вовсе не употребляютъ такихъ животныхъ; у Бѣлоруссовъ существуетъ повѣрье, что если волкъ изранитъ и посянитъ какую нибудь домашнюю скотину, то она не уйдетъ отъ его зубовъ; отсюда произошла поговорка о такомъ животномъ: «гето уже на слюнено». Волки дѣлятся по уѣздамъ и урочищамъ и, притомъ, такъ, что волки одной мѣстности смѣютъ сами, безъ приказанія св. Георгія, переходить въ другую ¹⁾.

Мы говорили, что св. Георгій въ Малороссіи называется богомъ волковъ. Въ Бѣлоруссіи ему посвящены коровы. Покровительство Егорія стадамъ высказано въ великорусской пословицѣ: «Егорій да Власъ всему богатству глазъ». У Болгаръ, онъ покровитель пастушества и земледѣлія (самое слово *Γεωργιος* по гречески значитъ *земледѣлецъ*). Въ г. Онегѣ св. Георгія называютъ «конскимъ богомъ». Въ великоруссійскомъ стихѣ духовномъ, Егорій представляется устроителемъ міра; онъ ѣздитъ по Свѣлорусской землѣ и даетъ всему порядокъ: устанавливаетъ горы, лѣса, рѣки, размѣщаетъ звѣрей и скоть, даетъ и благословляетъ пицу волкамъ и т. д. У Бѣлоруссовъ онъ, весной и утромъ, отмыкаетъ сырую землю:

¹⁾ Приведенныя малорусскія повѣрья записаны мною въ Черниговской губерніи.

Святѣй Юрья, божїй пасоль,
До Бога пашовъ,
А узявъ ключи золотые,
Атамкнубъ землю сырусенькую,
Пущавъ росу цяплюсенькую
На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ ¹⁾.

Егорїй податель жизни и воскреситель людей. Есть, по великорусскому преданію, какое-то царство, гдѣ люди, умирающіе на зиму, воскресаютъ весной на Егорїа. Это царство, конечно, наша земля, которую, по утру и весной, солнце воскрешаетъ или избавляетъ отъ ночи и зимы. Егорїй покровитель плодовъ земныхъ; онъ зарождаетъ травы и хлѣба: «Сѣй расаду до Егорья, будетъ щей довольно»; «коли на Егорьевъ день листь въ полушку, на Ильинъ день клади хлѣбъ въ кадушку»; «коли на Егорьевъ день морозъ, то и подь кустомъ овесъ»; «на Егорья брось жердку,—обростетъ за ночь»; «на Юрья ворона въ житѣ сховатся». Егорїй побѣдитель страшнаго змія ²⁾.

И такъ, въ образѣ и дѣятельности св. Георгїа мы узнаемъ слѣдующія черты бога Ярила: Ярило назывался также Юромъ и Ирѣмъ. Онъ сначала представлялся въ видѣ бѣлаго коня, потомъ въ видѣ бѣлаго свѣтоноснаго юноши, развѣзжающаго на бѣломъ конѣ и окруженнаго тридцатью волками, служащими ему какъ бы гончими собаками, которымъ онъ покровительствовалъ и назначалъ пищу. Подъ видомъ волковъ, окружавшихъ Ярила, сначала представлялись лучи солнца; потомъ преданіе начало понимать миѣ о волкахъ буквально. Въ этомъ видѣ Ярило совершенно сходенъ съ Аполлономъ. По другому представленію, Ярило ходитъ весной по полямъ въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и помахиваніемъ снопика ржи раститъ хлѣба. По третьему представленію, у Ярила руки по локоть въ красномъ золотѣ, ноги по колѣни въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяць, по кошицамъ звѣзды. Ярило считался богомъ *волковъ, лошадей, коровъ, птицъ и другихъ животнохъ*, богомъ *подателемъ плодовъ земныхъ*,

¹⁾ «Памятвигъ народнаго быта Болгаръ», кн. I, стр. 216.

²⁾ Тамъ же, стр. 216—219.

подателемъ жизни, устройтелемъ вселенной, побѣдителемъ змѣя, т. е. зимы и ночи.

Если св. Георгій, со введеніемъ христіанства, принялъ на себя черты бога Ярила, то, конечно, и въ праздникѣ въ честь Георгія должны находиться черты Ярилина торжества. Поэтому, разсмотримъ, какимъ образомъ Егорьевъ день (23 Апрѣля) праздновался у Славянъ и другихъ народовъ индо-европейскаго племени.

Великоруссы, въ разныхъ губерніяхъ, слѣдую поговоркѣ: «выгоняй скотъ на Юрьеву росу», рано утромъ въ Егорьевъ день выгоняютъ, всею деревнею, скотину въ поле, освященною вербою; собираются всею міромъ, служатъ молебны на поляхъ, угощаютъ пастуховъ водкою, пирогами и яшницею и надѣляютъ ихъ холстомъ и деньгами; при этомъ, конечно, и сами угощаются.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Костромской губерніи поселіе ночью «обликаютъ» Егорья слѣдующею пѣсней:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорьи окликали,
Магарья величали:
Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго...

Въ Великоросіи, Малороссіи, Сербіи, Иллиріи, Герцоговищѣ и Болгаріи Юрьевъ день былъ временемъ разнаго рода сдѣлокъ, торговъ и временемъ перехода поселіанъ отъ одного владѣльца къ другому. Кому не извѣстно значеніе поговорки: «Отъ тобѣ, бабо, и Юрьевъ день» («Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день»)! До сихъ поръ въ Великой Россіи сохранился у поселіанъ обычай съ Юрьева дня начинать всѣ торговыя сдѣлки и назначать сроки. Работники нанимаются съ Юрьева дня. Невѣсты молятъ св. Егорія о дарованіи жениховъ и ходятъ въ этотъ день разубранными: «наря-

жается, говорятъ,—словно баба на Юрьѣ»¹⁾. Въ г. Онегѣ Егорьевъ день считается конскимъ праздникомъ. Въ этотъ день приводятъ лошадей къ церкви, предварительно вычистивши и вымывши ихъ и заплетши имъ въ гривы и чолки ленты. У церкви священники служатъ молебны св. Георгію и кропятъ лошадей священной водою. Лошади въ этотъ день пользуются самымъ лучшимъ кормомъ и до вечера гуляютъ на поскотинѣ²⁾. Впрочемъ, обрядъ этотъ совершается на св. Егорія, кажется, только въ одномъ Онежскомъ уѣздѣ; во всей же остальной Россіи, начиная съ Архангельска и до Малороссіи, онъ совершается на св. Флора и Лавра, которые почитаются тамъ покровителями лошадей.

Малоруссы также совершаютъ первый выгонъ скота въ поля на Юрьевъ день и также освященной вербою; подгоняя ею скотину, приговариваютъ: «иди собѣ зъ богомъ»³⁾! Служать на поляхъ молебны, составляютъ пирушку, дарятъ пастуховъ хлѣбомъ, яицами и разными жаркими, просятъ ихъ беречь скотъ, который, кромѣ того, поручаютъ особенному покровительству св. Георгія. Думая, что засѣянный хлѣбъ поднимается на поляхъ отъ вліянія Юрка, они служатъ въ честь его молебны на поляхъ, окропляя ихъ святою водою. Малоруссы вѣрятъ, что если выгонять скотъ на Юрьеву росу, то онъ въ теченіи года будетъ красивѣе и тучнѣе, и самая рожь станетъ расти лучше. Поэтому, пословица совѣтуетъ: «догодуй скотину до Юрія, та й вила закинъ». Однако роса можетъ сдѣлаться и вредною для скота: если знахари и вѣдьмы, которыя на зорѣ этого дня нарочно выходятъ въ поле, соберутъ Юрьеву росу на разостланный холстъ и набросятъ его на рогатый скотъ, то онъ отъ это о дѣлается тощимъ и недоинимъ. Въ этотъ день вѣдьмы и знахари чрезвычайно опасны для коровъ, потому что они обращаются въ разныхъ животныхъ, телятъ, собакъ, кошекъ и пр., и высасываютъ у коровъ молоко⁴⁾.

Въ заднѣпровской Малороссіи въ этотъ день, на краяхъ нивъ

¹⁾ «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 26—36.

²⁾ Записано мною въ г. Онегѣ.

³⁾ «Черн. губ. вѣд.» 1854 г. № 13, стр. 85.

⁴⁾ «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 29 и др.

заканывають кости свяченыхъ поросятъ и ягнятъ, для сохраненія нивъ отъ бурь и граду ¹⁾. При выгонѣ въ первый разъ скота на пастбище, Малоруссы предохраняють его на весь годъ отъ нападенія волковъ нижеслѣдующимъ заклинаніемъ: Берутъ сучежь дерева, однимъ концомъ его прикасаются къ затылку, а другимъ упираются въ какой нибудь предметъ, дерево, зданіе и пр.; и приговаривають:

Молюся Богу,
Матери Божѣй,
Всѣмъ святымъ ёго,
Св. Георгію, хортѣвъ припинающему,
Якъ симъ сучкамъ не развиватися,
Такъ и хортамъ моеи скотины (такой то масти) не чпнати ²⁾.

Въ Червонной Руси совершаются на Юрьевъ день семейныя пирушки; дѣвушки поють пѣсни. Пастухи встрѣчаютъ Юрьевъ день пѣснями, варятъ кашу и молятъ св. Георгія о предохраненіи скота отъ всякаго несчастія. Выгонъ скоту на Юрьеву росу предохраняетъ его отъ порчи вѣдьмъ. Послѣ пира мужчины ѣздятъ верхомъ на лошадахъ, думая, что между ними присутствуетъ св. Георгій на конѣ и также рыщетъ верхомъ; какъ защитникъ всякаго скота, онъ, по ихъ мнѣнію, не допуститъ портить его. На тѣхъ лошадахъ, на которыхъ не ѣздили въ день св. Георгія, ѣздятъ ночью черти ³⁾. Гуцулы и Подгоряне, на канунѣ св. Егорія, вечеромъ, возжигаютъ огни на своихъ горахъ, которыя кажутся тогда объятymi пламенемъ. Это называется «Юрика палити». Эта ночь считается страшною для людей и скота, потому что тогда именно вѣдьмы летаютъ по воздуху на метлахъ и причиняють большой вредъ. Для того, чтобы отогнать нечистую силу, раскладываютъ огни, намазываютъ ободверины и пороги крестообразно дегтемъ и чеснокомъ. На другой день, на ворота кладутъ вѣтви деревъ и увѣнчиваютъ рогатый

¹⁾ «Lud Ukrainski», Nowosielskiego, W., 1857, T. I., str. 125.

²⁾ «Черниг. губ. вѣд.» 1859 г., № 23, стр. 157. См. также «Черн. губ. вѣд.» 1858 г., № 17, «О заговорахъ» Шишацкаго-Пльича, стр. 128—129.

³⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 29.

с отъ цвѣтами, радуясь что провели спокойно страшную ночь ¹⁾. При выгонѣ стада на пастбища, весною, Гуцулы дѣлають пиръ для пастуховъ, на немъ готовятъ пироги, въ видѣ барашка, который, какъ жертва Богу, разрѣзывается на части рукою главнога «бачи» ²⁾, и остатки котораго берегутся пастухами въ видѣ лѣкарства для овецъ ³⁾.

Въ Бѣлоруссiи, въ день св. Егорiя (Ягорiя), каждый хозяинъ или кто либо старшiй изъ его семейства выгоняетъ скотъ освященной вербой въ поле, на росу, которую считаютъ приносящею здоровье скоту: «Юрѣва роса—не треба конямъ овса» (ею окропляютъ домашнихъ животныхъ). Молодежь обоого пола считаетъ Юрѣву росу полезною отъ веснушекъ; по этому рано утромъ, до восхода солнца, старается умыться ею. Обильная Юрѣва роса, по замѣчанiю хозяевъ, предвѣщаетъ хорошiй урожай. Скотъ, выгнанный на Юрѣву росу, по вѣрованiю Бѣлоруссовъ, принимается св. Георгiемъ подъ свою защиту ⁴⁾. Вербу, которою пригоняютъ скотъ, хозяева втыкають въ землю на поляхъ и почитаютъ ее «за пастуха». Если въ этотъ день на полѣ попадетъ конская голова, то берутъ ее и надѣвають на коль, для предохраненiя лошадей отъ падежа. Пастухи въ этотъ день получаютъ отъ хозяевъ пироги, яйца и разное печенье ⁵⁾.

Въ Сербiи, Иллирии и Черногорiи скотъ на Георгiя выгоняють освященною вербою, отслуживши молебны у колодезь и окропивши его святою водою. Сербскiя дѣвицы просятъ св. Георгiя о дарованiи имъ жениховъ. Въ Босни, Герцоговинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ у турецкихъ Славянъ жарятъ ягненка, котораго съѣдаютъ торжественно ⁶⁾. Но нигдѣ, кажется, 23 Апрѣля, не празднуется съ такимъ торжествомъ, какъ въ Болгарiи ⁷⁾.

¹⁾ «Галицкая заря» 1852 г., № 39, «Письмо зъ горъ Коломыйскихъ».

²⁾ Старшiй пастухъ.

³⁾ Срезневскаго, «О измч. богосл. Слав.», стр. 79.

⁴⁾ Терещенка, «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 29; «Памятн. нар. быта Болгаръ», кн. 1, стр. 218.

⁵⁾ Сообщено въ г. Холмогорахъ Бѣлоруссами В. и А. Зенковичами.

⁶⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 28.

⁷⁾ Нижеслѣдующее описанiе составлено для меня въ Кiевѣ Болгаривомъ М. Дриновымъ.

«Одинъ изъ народныхъ и при томъ самыхъ веселыхъ праздниковъ у Болгаръ есть праздникъ св. Георгія Побѣдоносца. Цѣлый годъ Болгары съ пріятностію вспоминаютъ объ этомъ праздникѣ и радостно его ожидаютъ. Въ лицѣ св. Георгія они почитаютъ покровителя земледѣльцевъ и пастырей и назначаютъ ему въ этотъ день жертву, «хлѣбъ и барашка», которую совершаютъ слѣдующимъ образомъ:

«На канунѣ этого праздника (22 Апрѣля) молодья Болгарки рано утромъ, чуть солнышко встанетъ, одѣтыя въ праздничное платье, отправляются по воду на «изворъ» ¹⁾, окруженный зелеными лугами. Оставивъ свои «мѣдники» ²⁾ возлѣ извора, расходятся по роснымъ лугамъ, рвутъ съ веселостію весенніе цвѣты, изъ которыхъ заботливо свиваютъ «китку» ³⁾ св. Георгію. Приготовивъ ее, возвращаются къ покинутымъ мѣдникамъ, наполняютъ водою изъ извора и вмѣстѣ съ киткою относятъ домой. Тамъ обмываютъ «нощвы» ⁴⁾ и начинаютъ изъ самой чистой муки тою же водою мѣсить хлѣбъ. Хлѣбы мѣсятся двоякой формой: «кошары» и «крованъ». Кошары предназначаются пастухамъ и раздаются имъ на другой или на третій день. Одинъ изъ кроваевъ въ тотъ же день къ вечеру беретъ старуха въ домѣ, кладетъ на него китку св. Георгія, закутываетъ чистымъ «месаломъ» ⁵⁾ и, вручивъ молодой невѣстѣ, отправляется вмѣстѣ съ нею въ церковь или на другое мѣсто, гдѣ обыкновенно собирается деревня въ подобныхъ случаяхъ. Приходитъ туда и священникъ, благословляетъ принесенные крован и беретъ себѣ «порязаницу» ⁶⁾; остальной хлѣбъ раздаютъ бѣднымъ, кромѣ небольшого куска, который относится домой съ киткою. Кусокъ хлѣба раздѣляютъ между домашними, а китку ставить въ божницу, гдѣ она сохраняется въ теченіи цѣлаго года. Если заболѣетъ какое нибудь домашнее животное, то ему въ пищу подмѣшиваютъ часть китки, что почитается священнымъ лѣкарствомъ.

1) Неглубокій колодець.

2) Котлы.

3) Вѣнокъ.

4) Почевки.

5) Полотенце.

6) Такъ называется кусокъ, отдаваемый священнику.

«На слѣдующій день, какъ только зоря возвѣститъ наступленіе радостнаго праздника, изъ земледѣльческихъ домовъ молодые люди, взявъ по кроваю и по «плòску» или «бѣклицу» ¹⁾ вина, отправляются въ поле на жатву. Держа въ одной рукѣ кроваю, а въ другой плоску, каждый изъ нихъ ходитъ вокругъ своей нивы, а потомъ всѣ собираются вмѣстѣ. Усѣвшись на холмѣ, возвышающемся среди зеленой жатвы, ѣдятъ кроваю и пьютъ вино, молясь по очереди, чтобы св. Георгій развеселилъ ихъ нивы и даровалъ имъ большіе колосья, полные крупнаго зерна. Позавтракавъ такимъ образомъ, катаются по росѣ, чтобы не болѣли кости, рвутъ колосья съ нивъ и росные цвѣтки съ полей и снѣшаютъ домой до восхода солнца. Начинается приготовленіе барашка: надѣваютъ ему на голову вѣнокъ, сплетенный изъ колосевъ и цвѣтковъ, принесенныхъ молодыми людьми съ нивъ и полей, связываютъ ему ноги вмѣстѣ и полагаютъ на «паралю», усыпанную цвѣтами; на вѣнкѣ прилѣпляютъ двѣ зажженные восковыя свѣчи. Тогда приступаетъ домохозяинъ, съ открытою головою, къ лежащему на цвѣткахъ барашку, окруженному мальчиками дома, кадитъ его и, перекрестившись, заколаетъ ²⁾. Потомъ кровью его намазываетъ лица присутствующихъ малютокъ крестообразно—на челѣ, бородѣ и щекахъ, остальную кровь молодые люди тщательно собираютъ въ котель, приносятъ на рѣку и торжественно ее изливаютъ при выстрѣлахъ изъ пистолетовъ ³⁾. Поджаривъ барашка, несутъ его съ кроваемъ въ церковь или на другое мѣсто, почитаемое въ деревнѣ священнымъ, и, по благословеніи священникомъ, берутъ обратно и разносятъ нѣсколько кусковъ по сосѣдямъ; съ остальными же начинаютъ веселій обѣдъ ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ обѣдомъ выходятъ за дерев-

¹⁾ Бакляга.

²⁾ При закланіи ягненка домохозяинъ читаетъ молитвы св. Георгію и потомъ, поднявъ ножъ къверху, произноситъ: «Светы Герги, на ти ѣгне». У Болгаръ, живущихъ въ Пиротскомъ округѣ, барашка заколаютъ старицы; они же уносятъ его домой и жарятъ его на вертелѣ. Передъ закланіемъ дѣвушки и парни пляшутъ вокругъ барашка, съ пѣснями. См. «Памяти. нар. быта Болгаръ», кн. I, стр. 211.

³⁾ Кровь эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи употребляется на лѣченіе людей и животныхъ отъ различныхъ болѣзней: оспы, коросты и пр.; тамъ же.

⁴⁾ Косточки, оставшіяся отъ съѣденаго ягненка, зарываютъ въ землю. Тамъ же.

ню, на мѣсто священное, что обыкновенно бываетъ въ рощахъ. Наряжаются всѣ изъ дому въ праздничное платье, кладутъ на лошадь барашка, кроваи и другія яствы и выходятъ на это мѣсто. Въ зеленой рощѣ вся деревня образуетъ нѣсколько кружковъ, разлагаетъ трапезы; приходитъ священникъ и, посѣщая по очередно всѣ трапезы, благословляетъ ихъ, беретъ отъ каждаго кроваю порязанницу, плечи отъ барашковъ и ихъ шкуры. Начинается обѣдъ: плоски <ройнаго вина> непрерывно обходятъ по обѣимъ сторонамъ трапезы; каждый, принимаясь пить, призываетъ св. Георгія быть неотступнымъ покровителемъ стадъ и жатвы.

«Послѣ обѣда вся роща наполняется веселіемъ поклонниковъ Георгія: молодые люди, невѣсты и дѣвочки, покинувъ трапезу, заводятъ хороводы подъ звуки старинныхъ инструментовъ <гайды> и <гуслы>; на другомъ мѣстѣ привизываютъ къ вѣтвистому дубу качель, на которой одна изъ молодыхъ дѣвушекъ или невѣстъ катаетъ молодца, а другіе въ то время привѣтствуютъ его веселою пѣсню. Одни старики остаются за трапезами и, не переставая опоражнивать плоски ройнаго вина, поютъ въ восторгѣ любимыя пѣсни старины. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока наступающая ночь не заставитъ ихъ поспѣшить домой. Пѣсни, которыя поютъ въ этотъ день,—священнаго содержанія. Въ нихъ воспѣвается то, какъ св. Георгій когда-то избавилъ жатву отъ грозившей погибели; гдѣ избавилъ овечку отъ хищнаго волка, гдѣ удивительно размножилъ стада и пр.

Рано ранилъ светы Гергы,
 На личень день, на Гергювъ день
 Обсѣдла си добра коня
 Та обиде урядомъ ¹⁾ ниве,
 Урядомъ ниве и ливаде и пр.

«Впрочемъ, обряды, съ которыми отправляется веселый праздникъ св. Георгія, не вездѣ одинаковы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Видинской <казѣ> ²⁾, въ этотъ день заколаютъ

¹⁾ Рядомъ.

²⁾ Епархія.

общественнаго, священнаго быка, на котораго никто не смѣетъ поднять руки въ другое время года, и отъ всей деревни приносятъ въ жертву св. Георгію. Въ деревняхъ до этого дня не ѣдятъ молока, не колятъ барашковъ, не пускаютъ лошадей и скота на подножный кормъ и не купаются въ рѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день бываютъ «збѣры» т. е. ярмарки. Нанимаются до Юрьева и Дмитріева дня.»

Литовцы въ Юрьевъ день совершаютъ жертвы изъ домашнихъ животныхъ; бѣдные же покупаютъ восковыя фигурки различныхъ животныхъ (коней, коровъ, овецъ, козъ, свиней и т. д.), продаваемые отъ костеловъ. Крестьяне носятъ ихъ около костела, молятся, а потомъ кладутъ на престоль. Существуетъ также обычай выходить въ поля, при чемъ совершаютъ пирушку, и народъ катается по нивѣ, съ крикомъ: «роди, Боже, роди, Боже» (хлѣбъ) ¹⁾.

У древнихъ Сорабовъ, по свидѣтельству Дитмара, весною, при выгонѣ скота въ первый разъ на подножный кормъ, существовалъ такой обычай: по цѣлому селенію отъ двора до двора носили палку, имѣвшую рукоятку, въ видѣ руки, держащей желѣзный шаръ. Обносившій ее, вмѣстѣ съ пастухомъ, вступалъ въ избу и вскрикивалъ: «Генниль, бди!» Всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ ²⁾. Сорабскій Генниль или Гонило соотвѣтствуетъ литовскому Гониглису, богу пастуховъ. Гониглисъ былъ олицетвореніемъ солнца, по этому и шаръ на палкѣ долженъ быть ни что иное, какъ образъ солнца. Къ Гониглису Литовцы обращались съ мольбой защищать ихъ стада отъ волковъ въ такихъ словахъ:

Гониглисъ божокъ,
Паси мою корову,
Паси моего бычка,
Не пускай волка-злодѣя!
Пасу, пасу мои овцы,
Тебя, волкъ, не боюсь!

¹⁾ «Litwa pod względem starożytnych zabytków», J u c e w i c z a, Wiln., 1846, str. 184.

²⁾ «Polska wieków średnich», J. L e l e w e l a, Poznań, 1855, I, str. 417; К о с т о м а р о в а, «Слав. Миеология», стр. 77.

Богъ съ солнечными кудрями

Вѣрно тебя не допуститъ.

Ладо, Ладо-солнце,

Бей его ложкою по головѣ ¹⁾.

Греки, по принятіи христіанства, торжествовали Георгіевъ день какъ праздникъ пастушескій и земледѣльческій. Въ этотъ день они закалывали поворожденнаго изъ животныхъ для пиршества и выгоняли скоть на пастбища. На полѣ предавались веселію и простодушно вѣрили, что св. Георгій есть покровитель скота и предохранитель отъ всякой заразы и похищенія хищными животными ²⁾. Изъ житія великомученика Георгія видно, что еще до времени жизни этого святаго Греки праздновали день 23 Апрѣля, какъ праздникъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

У Римлянъ, 21 апрѣля, тоже совершался праздникъ подобнаго же характера, Палиліи: въ этотъ день пастухи накормивъ скоть, очищали и окуривали стойла и стада сѣрою, можжевелникомъ и пр., потомъ выходили въ поле и молили боговъ объ охраненіи стада отъ падежа и болѣзней. Затѣмъ разводили огни, три раза прогоняли черезъ нихъ стада и сами перескакивали, для очищенія ³⁾.

Празднованіе Георгіева дня различными народами индо-европейскаго корня, съ одинаковыми обрядами, ясно указываетъ на древность этого праздника и на то, что онъ совершался въ честь языческаго божества. Уже одно то обстоятельство, что этотъ языческій праздникъ совершался весною и при томъ раннимъ утромъ, опредѣляетъ его значеніе, какъ праздника въ честь бога весны и утра, т. е. Ярила. Выгонъ скота въ первый разъ въ этотъ день и участіе въ праздникѣ пастуховъ служитъ указаніемъ, что онъ отправлялся въ честь бога, покровителя скота и пастуховъ, какимъ былъ Ярило. Мѣсто, гдѣ совершается праздникъ, поля и нивы, и просьба къ богу зарождать хлѣбъ свидѣтельствуютъ о земледѣльческомъ характерѣ праздника въ честь этого божества. Пи-

¹⁾ «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа», Вильно, 1854, стр. 130.

²⁾ «Быть русск. нар.» т. VI, стр. 28.

³⁾ Ю. База, «Полноензмъ древнихъ Грековъ», стр. 117.

рушка на поляхъ, употребленіе въ пищу пироговъ, яицъ, жаренаго и, наконецъ, барашка, потомъ собраніе всей общины въ одно мѣсто служатъ прямымъ доказательствомъ, что въ древности въ этотъ день совершали публичныя жертвоприношенія животныхъ и общественные пиры. Освященная верба, которою Великоруссы, Малоруссы, Бѣлоруссы, Сербы, Черногорцы и др. выгоняютъ скоть въ первый разъ на пастбища, есть ничто иное, какъ остатокъ древнеязыческой палки славянскихъ пастуховъ, представлявшей изображеніе бога стады Ярила. Доказательствомъ этому служатъ палка бога солнца и стады Гониглиса и освященная верба Бѣлоруссовъ, втыкаемая на полѣ и считающаяся пастухомъ скота. Священное или, лучше сказать, божественное значеніе освященной вербы и пастушеской палки подтверждается еще многими фактами. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи втыкаютъ въ коровьихъ стойлахъ прутьи «свяченой вербы» въ той увѣренности, что они отгоняютъ нечистую силу и вѣдмъ, портящихъ рогатыи скоть. Въ Великороссіи тоже самое дѣлается въ день св. Власія. Эта верба Малоруссами берется на Вербной недѣлѣ изъ церкви и хранится въ теченіи цѣлаго года въ домахъ; она употребляется знахарями, какъ цѣлебное средство противъ болѣзней: въ случаѣ испуга дѣтей ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ пить съ водою. Иные бьютъ свой скоть слегка, освященною вербою, предполагая, что тогда никакая нечистая сила къ нему не прикоснется. Въ Литвѣ при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбищѣ, хозяева бьютъ каждую скотину освященною вербою, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого весь скоть будетъ крѣпокъ и здоровъ ¹⁾.

Священное значеніе палки пастуховъ видно и изъ великорусскаго разсказа о Лѣшемъ, въ которомъ говорится, что одинъ пастухъ, помирая, завѣщалъ другому, какъ драгоценное наслѣдство, свою палку, владѣя которою, наслѣдникъ вовсе не ходилъ въ лѣсъ и не берегъ коровъ отъ медвѣдей, а всѣ коровы были цѣлы и невредимы ²⁾. Это напоминаетъ французское преданіе о вязѣ *gâteau* (грабли), стоящемъ на перекресткѣ дорогъ около Берри и существ-

¹⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 84.

²⁾ «Памятная книжка Архангельской губерніи» на 1864 г., «Демонологія жителей Арханг. губ.», П. Ефименка, стр. 52.

вовавшемъ еще при Карлѣ VII. Во время войнъ съ Англичанами, возлѣ этого вяза маленькій пастухъ пасъ свиней. Однажды онъ увидѣлъ отрядъ непріятеля, стремившійся на Берри, пригналъ свое стадо подъ вязъ и оставилъ свою палку, чтобы она караулила его свиней въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, а самъ отправился къ соотечественникамъ, для принятія участія въ сраженіи съ непріятелемъ. Послѣ прогнанія непріятеля, онъ, возвратившись къ стаду, перечелъ свиней: всѣ были на лицо, не смотря на то, что мимо этого мѣста прошло много бродягъ, грабителей и даже волковъ, привлеченныхъ запахомъ крови. Мальчикъ опять взялъ свою палку, сталъ на колѣни и возблагодарилъ Бога ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи, во время скотскаго падежа, коль, вбитый посреди загона, считается вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ болѣзни ²⁾).

Въ Архангельской губерніи, при покункѣ коровъ, обводятъ ихъ три раза по солнцу вокругъ столба или колышка. Сучекъ, употребляемый при заклинаніи Малоруссами и прикладываемый одною стороною къ затылку, а другою къ дереву, есть, конечно, намекъ на священную пастушескую палку. По всей вѣроятности, такія палки, какъ и палки, служившія символомъ власти, вырѣзывались въ священныхъ лѣсахъ, называвшихся «божницами» ³⁾. У Болгаръ есть поговорки о палкѣ: «Тояга-та ⁴⁾ ІЕ Божо дръвце»; «тояга-та изъ рай излиза» ⁵⁾. У Египтянъ, закривленная палка пастуховъ, считавшаяся талисманомъ противъ злыхъ духовъ, имѣла своимъ первообразомъ ступу Озириса ⁶⁾. Въ Новороссійскомъ краѣ пастухи, въ случаѣ появленія волка, надѣваютъ на палку ⁷⁾ шапку и, поднявши ее вверхъ, бѣгутъ къ волку, думая испугать его этимъ.

¹⁾ «Современникъ» 1852 г., № 1, «Ночныя видѣнія въ деревьяхъ», стр. 8.

²⁾ «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 40.

³⁾ «Lud Polski», przez Golebiewskiego, W., 1830, str. 278.

⁴⁾ Палка.

⁵⁾ «Памятники нар. быта Болгаръ», стр. 138.

⁶⁾ «Lud Ukrainski», t. I, str. 307.

⁷⁾ Въ Новороссійскомъ краѣ у пастуховъ существуетъ два рода палокъ. Пастухи рогатаго скота тщательно разыскиваютъ и стараются употреблять палку «съ кувинькою», т. е. съ большимъ шарообразнымъ наконечникомъ. Пастухи овецъ

Многіе изъ Славянъ, при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбища, окуриваютъ его и зажигаютъ огни, для предохраненія отъ волковъ и нечистой силы ¹⁾. Разведеніе огней будетъ понятно, если мы скажемъ, что огонь служилъ символомъ солнца, т. е. Ярилы («Юрика палити»). Огонь прогоняетъ темноту и холодъ, а темнота и холодъ олицетворялась въ видѣ волковъ и нечистыхъ духовъ. Поэтому, огонь разводили для отогнанія темноты и холода и ихъ олицетвореній, особенно же, въ заморфическій періодъ язычества, для отогнанія волковъ и злыхъ духовъ отъ стадъ и для очищенія стадъ отъ болѣзней. Подтвердимъ это фактами. Въ Великороссіи на Святой недѣлѣ берутъ огонь изъ кадиланицы и высыпаютъ его въ печь, думая, что онъ непременно выгонитъ всю нечистую силу изъ покоевъ, и считаютъ его за нѣкотораго рода святость ²⁾. Въ Ирландіи огонь, возжигаемый 24 Юня, называется добрымъ огнемъ, потому что онъ прогоняетъ бѣду и несчастье. Такъ называемые огни необходимости, Nodfyr, Noth-feuer, возжигались для уничтоженія повальной болѣзни ³⁾. У Индусовъ огонь считался богомъ очищенія и истребителемъ зла: «онъ одолеваетъ черную ночь и изгоняетъ злыхъ духовъ». У Персовъ онъ считался самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ противъ злыхъ духовъ ⁴⁾.

Такъ какъ скотъ выгоняли по утру, въ праздникъ утренняго или весенняго божества, на поля, покрытыя еще росой, которая

употребляютъ палки съ крюкомъ, такъ, чтобы ими легко было захватывать овецъ за ноги. Эта форма палки какъ бы напоминаетъ ногу божества, между тѣмъ какъ первая напоминаетъ голову. Надобно замѣтить, что палки новороссійскихъ пастуховъ совершенно сходны съ татарскими, наприм. съ изображеніями палокъ на надгробныхъ памятникахъ въ Крыму. Тѣ и другія называются однимъ именемъ: по малороссійски: «гырлыга» или «ырлыкъ», по татарски: «ирлыкъ».

1) Обычай разводить огонь при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбища существуетъ и въ Архангельской губерніи.

2) «Быть русск. нар.», т. VI, стр. 100.

3) «Ж. М. Н. Пр.», т. XXXI, отд. II, «Купало», ст. о. Сабинина, стр. 24.

4) Вебера «Всемирн. исторія», 1860 г., кн. 1-я, стр. 264.

посылалась божествомъ, то, по этому, роса, какъ божественная, считалась очень здоровымъ средствомъ для скота. Божество весенняго солнца, только что возродившагося отъ смерти, причиненной ему зимой и ночью, еще не окрѣпшее, могло подвергнуться внезапному нападенію холода и тьмы; слѣдовательно и Ярило (сначала въ видѣ коня, потомъ человѣка), какъ олицетвореніе солнца, былъ далеко небезопасенъ отъ нападенія олицетвореній холода и тьмы, волковъ и злыхъ духовъ. Вотъ причина, почему для нашихъ предковъ была страшною ночь передъ днемъ Ярила; вотъ почему боялись они тогда усиливающейся злости волковъ и нечистыхъ духовъ. Поэтому-то и молились Ярилу о сохраненіи стада отъ волковъ и злыхъ духовъ.

Бѣлорусскій обычай искать въ Егорьевъ день конскую голову и, найдя ее, натывать на коль, для предохраненія отъ скотскаго падежа, существуетъ, въ измѣненномъ видѣ, у Малоруссовъ, Велико-руссовъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ и пр. Эти народы поднимаютъ конскія головы,—но уже не на Юрьевъ день, а всегда, какъ только упадетъ такая голова, и натываютъ ихъ на кольца огородовъ или вѣшаютъ на домахъ, для привлеченія счастья и для отвращенія всякихъ бѣдствій, падежа болѣзней, неурожая и проч. Этотъ обычай и вѣрованіе объясняются тѣмъ, что конская голова, какъ мы сказали выше, была символомъ восходящаго, утренняго и весенняго солнца или Ярила, бога счастья и отвратителя бѣдъ всякаго рода. Замѣчательные вѣрованіе и обычай существуютъ у Бѣлоруссовъ: по мнѣнію ихъ, лошади имѣютъ особаго покровителя, Вазила, заботящагося о размноженіи ихъ и предохраненіи отъ болѣзней; Вазило живетъ въ хлѣвахъ лошадиныхъ и присутствуетъ на ночлегахъ лошадей въ полѣ; въ слѣдствіе такого повѣрья, пастухи вколачиваютъ на мѣстѣ ночлега огромный шестъ и втыкаютъ на него костякъ лошадиной головы, будучи увѣрены, что это изображеніе бога Вазила спасетъ лошадей отъ нападеній волковъ и Кумельгана, божества, враждебнаго лошадямъ, а сами беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ или спать, вовсе не присматривая за вѣреннымъ имъ табуномъ; въ случаѣ нападенія на табунъ какого нибудь звѣря или даже самаго Кумельгана, лошади, какъ бы по инстинкту, сбѣгаютъ на то мѣсто, гдѣ вколочено изображеніе Ва-

зила, и здѣсь находятъ себѣ спасеніе ¹⁾, потому что сюда не смѣютъ подойти ни звѣрь, ни злобный богъ.

Обобщимъ всѣ вышеизложенные факты, относящіеся къ Юрьеву дню. У языческихъ предковъ нашихъ день 23 Апрѣля праздновался какъ торжество въ честь Ярила, божества утренняго и весенняго солнца, покровителя людей, животныхъ и растений, защитника домашнихъ животныхъ отъ хищныхъ звѣрей, подателя всякихъ благъ, отвратителя всевозможныхъ несчастій, бога любви, силы и храбрости. Праздникъ начинался раннимъ утромъ, до солнечнаго восхода, выгономъ скота, въ первый разъ на подпожный кормъ «на Ярилову росу». Скотъ выгонялся священной палкою, представлявшею изображеніе бога Ярила. Праздникъ состоялъ въ торжественномъ жертвоприношеніи новорожденныхъ животныхъ въ честь Ярилы. Обрядъ жертвоприношенія совершался старцами; молодые люди пѣли гимны въ честь Ярилы и молитвы, въ которыхъ описывались его подвиги и заключалась просьба о сбереженіи стадъ и о зарожденіи хлѣбовъ. Старцы совершали заклинанія. На этомъ праздникѣ угощались всѣ, преимущественно же пастухи. Въ этотъ день въ первый разъ воздвигали изображенія бога Ярила: палку съ шаромъ или съ конской головой и друг. Въ эту ночь и въ этотъ день, въ первый періодъ язычества, боялись нападенія тьмы и холода, въ образѣ волка или чорта, на солнце—Ярила; поэтому разводили огни, символъ Ярила, для отогнанія животныхъ тьмы и холода и нечистыхъ духовъ. Во второй періодъ язычества, огни эти разводили для отогнанія волковъ отъ стадъ, для предохраненія послѣднихъ отъ первыхъ и отъ колдуновъ и для очищенія отъ болѣзней. Очень можетъ быть, что эти очищательные огни не разводились отдѣльно, а были только остатками жертвенныхъ огней. Такъ какъ въ Ярилинъ день вся община собиралась въ одно мѣсто, то, поэтому, тутъ же совершались разнаго рода торговыя сдѣлки и условія между членами общины. Со времени же принятія христіанства, судьба бога Ярила была такова: его имя, образъ, дѣятельность и празднованіе въ честь его раздвоились и

¹⁾ «Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр.», 1846 г., кн. 4, отд. II, «Бѣлорусскія повѣрья», стр. 85—88.

распались на двѣ главныя части. Одна часть, менѣ нравственная, осталась собственно за Яриломъ, другая часть, не заключающая въ себѣ ничего предосудительнаго, отнята отъ него и перенесена на св. Георгія. Соединивши ту и другую части, мы, на сколько позволяли намъ матеріялы, возстановили главныя черты Ярила въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ извѣстенъ въ эпоху язычества.

П. Ефименко.

Холмогоры.

23 апрѣля, 1865 г.

2007056259